

Б. А. КАЛОЕВ

## ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕЧЕНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Русско-кавказские связи, как об этом свидетельствуют многочисленные археологические и письменные памятники, восходят к глубокой древности. Нашествие монголов, от которого сильно пострадали народы Северного Кавказа, оказывавшие упорное сопротивление полчищам завоевателей, надолго прервали эти связи. И только со второй половины XVI в. дипломатические и торговые отношения между русским государством, с одной стороны, Кавказом и странами Ближнего Востока — с другой, стали быстро развиваться. Этому предшествовало присоединение к русским землям Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, способствовавшее открытию свободного сообщения по Волге к Каспийскому морю. Волго-Каспийский путь, проходивший до устья Терека и дальше, был до конца XVII в. почти единственным связующим звеном между русским и кавказскими народами.

В развитии русско-кавказских отношений большую роль сыграли гребенские казаки, поселившиеся во второй половине XVI в. на правом берегу Терека. Чеченцы — один из первых народов Восточного Кавказа, установивших дружеские связи со своими соседями, русскими поселенцами. Ко времени появления здесь русских чеченцы жили в основном в горах. По мнению многих авторов, основывавших свои суждения на народных преданиях, формирование близко родственных чеченского и ингушского народов происходило в верховьях Аргуна, откуда они постепенно расселились по другим районам занимаемой ими ныне территории. Чеченский этнограф Умалат Лаудаев писал, что «чеченское племя», как он выражался, «образовалось под снеговыми горами близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам. Оно заняло горы высшего Назрановского скруга и Чеберлой, впоследствии водворилось в Ичк-Керии и Аухе»<sup>1</sup>. В многочисленных преданиях, записанных нами в 1959 г. во время экспедиции, сообщается о выходе первоначальных предков многих чеченских тайп (родов) из урочища Нашхи, находящегося в верховьях Аргуна. Указывается также на существование якобы в одном из селений большого медного котла, на котором записаны все крупные чеченские тайпы.

Позже, в связи с ростом численности населения и земельной теснотой, чеченцы в поисках новых мест поселения стали спускаться с гор в лесистые районы и в предгорную полосу, образуя с течением времени ряд самостоятельных обществ (тукумов), которые, судя по источникам, почти ничем не отличались по своему внутреннему устройству от дагестанских, в частности от аварских, вольных обществ<sup>2</sup>. Уже в конце

<sup>1</sup> Умалат Лаудаев. Чеченское племя, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI, Тифлис, 1872, стр. 4.

<sup>2</sup> См. в кн.: «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958; Л. Клуген, Шамиль и Чечня, «Военный сборник», т. IX, 1859, стр. 124.

XVII — начале XVIII в. в Чечне имелось семь таких тукумов — Малхоевский, Галаевский, Нахчимахновский, Чантоевский, Ичкиринский, Шатоевский, Чеберлоевский (среди них выделяются по численности Ичкирия и Шатой), население которых постепенно спускалось на равнины в низовья Терека и поселялось здесь небольшими родовыми хуторами недалеко от гребенских казаков. Нужно отметить, что из всех чеченских обществ ичкиринцы были истари наиболее близкими и дружественными соседями русских поселенцев на Тереке. Говоря о внутреннем устройстве этого тукума, генерал Розен в 1830 г. писал: «Ичкири составляют особенное общество, имеющее около 5000 душ мужского пола жителей, живших разбросанными во множестве маленькими деревушками. Число вооруженных простирается до 2000 чел., в числе коих больше половины конных. Для обороны себя собираться могут не более двух сукотк»<sup>3</sup>.

Чеченцы, сильно страдавшие от безземелья в горах, не раз предпринимали попытки заселить плодородные равнины; это бывало, вероятно, и до монгольского нашествия, и особенно в последующее время. Однако кочевые племена, контролировавшие данные районы, препятствовали этому. Только после водворения здесь русских горцы получили возможность под их защитой беспрепятственно селиться на равнинах и осваивать новые, плодородные места.

В переселении горцев на равнины и сближении их с русскими поселенцами важную роль играл Терский городок, представлявший собой военное укрепление, основанное русским воеводством во второй половине XVI в. на Тереке при впадении в него р. Сунжи. Это был не только форпост русской колонизации на Северном Кавказе, но и крупный торговый центр. В городке имелось три гостиных двора, много торговых рядов и лавок; трижды в неделю здесь устраивались базары, куда горцы пригоняли рогатый скот, лошадей, привозили ковры, овчины, бурки, домотканное сукно и пр., выменивая их на металлические изделия тульских мастеров, фабричные сукна, ткани и другие товары, доставлявшиеся сюда из волжских городов<sup>4</sup>.

Русский купец Федот Котов, совершивший в 1626 г. путешествие в Персию с остановкой в Терском городке, сообщал о последнем как о значительном торговом и административном центре, игравшем важную роль в развитии русско-горских связей. Он видел здесь не только торговые ряды и дворы, но храмы и монастыри, прекрасные деревянные жилые постройки. По свидетельству этого автора, недалеко от Терского городка находилось большое поселение горцев, в том числе 160 чеченских и ингушских семейств, переселившихся сюда из восточных районов горной Чечни, преимущественно из Ичкирии и Ококи; чеченцы и ингуши встречаются в источниках того времени под названием мичкизѳв, окоцев (окохи, осоки). Котов, говоря о национальном составе населения слобод Терского городка, сообщал: «А против города за рекою слободы великие — черкесская слобода, да окоцкая, да новокрещенных черкас слобода»<sup>5</sup>. В «Книге Большому Чертежу» чеченские и ингушские переселенцы встречаются под несколькими названиями: окохо, осоки, кугени, мичкизы<sup>6</sup>.

В документах, опубликованных в книге С. Белакурова, чеченские и ингушские обитатели слободы Терского городка фигурируют под названием «окоцких людей». В одном из своих прошений на имя русского царя они, говоря о причине появления их в Терском городке, писали:

<sup>3</sup> «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 285.

<sup>4</sup> А. Ф. Фадеев, Из истории русско-чеченских связей, «Вестник Моск. гос. ун-та. Историко-филологическая серия», 1959, № 1, стр. 220; Я. Стрейс, Три путешествия, М., 1935, стр. 214.

<sup>5</sup> «Хождение купца Федота Котова в Персию», М., 1958, стр. 33.

<sup>6</sup> «Книга Большому Чертежу», М.—Л., 1950, стр. 88.

«Мы, холопы твои, не хотим горским князем и мурзам служить и под ними в веке быти, покиня свои дома и живот весь пометав, с женами своими и детми из Окоцкие землицы утекли душою да телом и прибегли в твою царскую отчину в Терской городок под твою царскую выскоую руку на житие на век»<sup>7</sup>.

Занимаясь земледелием, скотоводством, рыболовством и торговлей, чеченцы и ингуши наряду с другими горцами, не считаясь с опасностью для жизни, сопровождали прибывавших в Терский городок русских послов по многим районам Кавказа и даже в Крым. «И в тех, Государь, службах и посылках,— писали они,— многие наши товарищи окоцкие люди и братья наши племенники головы свои поклали, побиты на смерть, а иные запроданы в дальние земли в житство»<sup>8</sup>.

Из русских посольств второй половины XVI в., пробиравшихся из Терского городка в Грузию через Дарьяльский проход в сопровождении терского воеводы и чеченцев, следует особенно отметить посольства под руководством Звенигородского и Антонова, Писщева и Савина<sup>9</sup>.

Будучи связующим звеном между горскими народами и русскими поселенцами в низовьях Терека, чеченцы из Терского городка вместе с тем немало способствовали и переселению своих сородичей из самых отдаленных горных районов на равнины: «И многие, Государь, горские всякие люди,— писали они в том же прошении,— слыша от нас про твою царскую милость и жалованье... приходили с гор на житье в терский город с женами и с детми»<sup>10</sup>.

Не менее важную роль в жизни чеченцев сыграли другие их соседи — русские поселенцы, обосновавшиеся также во второй половине XVI в. на правом берегу Терека на гребне, от которого они получили свое название «гребенские казаки». В новом архивном источнике, опубликованном М. О. Косвеном, даются ценные сведения о появлении этих поселенцев на Кавказе. «Оные гребенские казаки по Тереку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов, только первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имеют, но за Тереком в гребнях (то есть в горах), и в ущельях, а именно: в урочищах того-же гребня, в ущелье Павлаком при гребне и ущелье же Кашлановском и при Пименовском дубе, которые и донныне ниже Балсур или Ортан-реки, при Тереке — реке-ж, по коим местам гребенскими казаками праименовались»<sup>11</sup>.

Появление русских поселенцев намного ускорило процесс иммиграции чеченцев с гор и образования ими в низовьях Терека и Сунжи значительного числа хуторов и сел. Как говорится во многих преданиях, записанных нами, русские не только оберегали своих соседей от притеснения кабардинских и кумыкских феодалов, контролировавших в то время большую часть нынешней чеченской равнины, но и помогали им строить дома, обрабатывать землю и т. д. Уже через некоторое время рядом с гребенскими казаками возникли такие крупные чеченские селения, как Чечен-аул, Староюрт, Гудермес (ныне г. Губермес), Герменчик, Маиргуп, Тих и др. Среди них особенно важную роль играл в жизни горцев Чечен-аул, являвшийся в то время одним из крупных населенных пунктов в Чечне. О нем У. Лаудаев писал: «Он преуспевал перед прочими, был обширен, лучше обстроен, имел лавки (тукень), на порогах коих виднелись армяне, евреи и кумыки. От име-

<sup>7</sup> С. А. Балакуров, *Сношения России с Кавказом*, М., 1899, стр. 559.

<sup>8</sup> Там же, стр. 560.

<sup>9</sup> «Обзор сношений русских царей с грузинскими», Сборник газеты «Кавказ», второе полугодие 1846 г., Тифлис, 1947, стр. 368; М. А. Полиевктов, *Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис, 1935.

<sup>10</sup> С. А. Балакуров, *Указ. раб.*, стр. 560.

<sup>11</sup> М. О. Косвен, *Описание гребенских казаков XVIII в.*, «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 181—182.

ни этого аула чеченцы получают для себя от русских и кабардинцев название шашан и чеченцев»<sup>12</sup>.

Вопреки колониальной политике царизма, насаждавшего национальную и религиозную вражду, росла и крепла дружба между трудовым казачеством и чеченцами и ингушами. Эта дружба развивалась на основе классовой солидарности и совместной трудовой деятельности, хозяйственного и культурного сотрудничества. Живя в близком соседстве, казаки и чеченцы передавали друг другу свои достижения в хозяйстве, в области материальной и духовной культуры. Они охотно делились накопленными знаниями и опытом. Природный чеченец, Лаудаев, говоря о больших изменениях, происшедших под влиянием русских в хозяйстве и быте равнинных чеченцев, отмечал, что последние заменили свои первобытные горные сохи плугами, «производили правильное хлебопашество, обзаводились лучшим хозяйством, разводили рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады»<sup>13</sup>.

Особенно широкое развитие получила кукуруза. Появление в Чечне кукурузы, занявшей среди хлебных злаков на равнине и в лесистой полосе ведущее место, относится к началу XIX в. Равнинные земли Чечни считались одним из богатейших хлебных районов Восточного Кавказа; они обеспечивали хлебом всю горную Чечено-Ингушетию и почти весь Нагорный Дагестан. Здесь были специальные хлебные базары (Старые Атаги, Шали, Урус-Мартан и др.), куда приезжали за хлебом не только горцы, но и многие жители из станиц терского казачества. Большую помощь в успешном развитии этой культуры оказали чеченцам их соседи — русские казаки, знакомившие чеченцев с более совершенной техникой сельскохозяйственных орудий (плуги, бороны и пр.). Во время пребывания нашей экспедиции в станицах Гребенской, Шелковской, Червленной и других мы слышали о том, что жители этих станиц, земли которых расположены в основном в песчаных бурунах, не пригодных для возделывания кукурузы, исстари уходили в чеченские селения, нанимаясь на работы по вспашке, уборке урожая и т. д.

Позже в чеченские селения приходили на заработки и другие русские поселенцы, так называемые «иногородные крестьяне». В 1848 г. корреспондент газеты «Кавказ» писал из Ставрополя, что казаки, русские крестьяне и мещане ездят в горские аулы к «князьям и богатым узденям на работы, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания»<sup>14</sup>.

Очень важную роль в деле сближения горцев с русским населением играла торговля. Крупными торговыми центрами в XVIII и начале XIX в. были чеченские селения Гудермес и Брагуны, расположенные в нижнем течении Сунжи, а также станица Наурская, где ежегодно с 8 по 14 сентября, устраивалась большая ярмарка<sup>15</sup>. Большую роль в торговле горцев играли города Кизляр и Моздок. Сюда чеченцы привозили бурки, дмотканное сукно, башлыки, войлочные ковры, шерсть, мед и другие товары. Бурочное и суконное производство было одним из древнейших промыслов чеченцев. Наибольшее развитие оно получило на равнине. Центрами бурочного производства считали здесь селения Дайкураул (ныне. с. Толстово), Староюрт, Белготой и др., находящиеся недалеко от казачьих станиц. Бурки, сукно для черкесок, башлыки покупали преимущественно казаки, воспринявшие многие элементы горского костюма.

<sup>12</sup> Умалат Лаудаев, Указ. раб., стр. 21.

<sup>13</sup> Газ. «Кавказ», 1848, № 22.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> А. В. Фадеев, Указ. раб., стр. 225.

Позже исследователь кустарных промыслов горцев Северного Кавказа Марграф, говоря о сбыте чеченского сукна в казачьих станицах, сообщал: «В станицах сукно продается по Тереку, начиная от Моздока до Каспийского моря; ежегодно покупается казаками в Моздоке, Грозном, Кизляре и Хасафюрте около 1700 черкесок и столько же башлыков по средней стоимости первых в 4 руб. 50 коп. и вторых в 1 руб. 50 коп., всего на сумму до 10 тыс. руб.»<sup>16</sup>. Важное место в торговле жителей равнины и лесной полосы Чечни занимала также продажа леса в Кизляре и в казачьих станицах. Занятие это, имевшее широкое распространение до 1840 г., было подорвано начавшейся Кавказской войной. Лес чеченцы заготавливали зимой и сплавляли в половодье от 500 до 800 плотов по р. Сунже и далее по Тереку до самого Кизляра. А. П. Берже отмечал, что за «каждый плот в то время платили от 30 до 50 руб. серебром, что в общей сложности составляло около 2500 руб.»<sup>17</sup>.

В большом количестве чеченцы доставляли в казачьи станицы таркалы (колья) для поддержания виноградных лоз, что способствовало развитию виноградарства у их соседей — русских казаков. По данным Берже, чеченцы ежегодно привозили сюда 5—6 тысяч арб виноградных кольев и большое количество обручей и бочарных досок<sup>18</sup>.

Весьма важное место в торговом обороте чеченцев занимали также продукты сельского хозяйства и домашних кустарных промыслов. В 1837 г. на одной только Наурской ярмарке было продано крупного рогатого скота на сумму 12 148 руб., лошадей — 1158 руб., овец — 547 руб., зерна (пшеницы и ржи) — 1149 руб., черкесок — 1135 руб., шаровар, башлыков, бурок — 887 руб. Взамен этого чеченцы покупали преимущественно ткани русских текстильных фабрик. Здесь же на станичных ярмарках Терского казачьего войска «широко продавали ситцы Каретникова и Тюрина, нанки — Морозова и Елисеева, сукна — Горячкина и Папкова, а также изделия других промышленных фирм»<sup>19</sup>.

Таким образом, вплоть до начала Кавказской войны между казаками и чеченцами равнинной и предгорной полосы существовали широкие торговые и хозяйственные связи. Стремление горцев к дружбе с русским населением и к миру не раз отмечалось современниками. Так, в начале XIX в. майор А. И. Ахвердов, занимавшийся делами Восточного Кавказа, подчеркивал: «Вообще все чеченцы желают и ищут мирное житье»<sup>20</sup>. Позже, несмотря на расширение военных действий, многие чеченцы и ингуши, обитавшие в долинах Терека и Сунжи, по-прежнему находились в добрых отношениях со своими соседями — русскими, поддерживая с ними торговые связи. Тем не менее война была для Чечни, на территории которой она велась в течение многих лет, весьма тяжелым бедствием. В годы войны прекратились сплав леса в Кизляр и многие станичные ярмарки, что явилось крупным ударом по экономике горцев.

Однако в 1850-х годах в связи с образованием ряда русских укреплений в предгорной Чечне снова происходит оживление торговли и установление дружеских связей между чеченцами, обосновавшимися тут же рядом в больших селах, и русскими, жившими в этих укреплениях. Так, говоря о возникновении еще в ходе Кавказской войны чеченских сел Старые Атаги и Чох-Кири недалеко от крепости Воздвиженской, С. Иванов сообщал: «Русские стали ходить в аул поодиночке, без ору-

<sup>16</sup> О. В. Марграф, Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882, стр. 104.

<sup>17</sup> А. П. Берже, Чечня и чеченцы, Тифлис, 1859, стр. 89; см. также: Ев. Максимов, Чеченцы (Историко-географический и статистико-экономический очерк), «Терский сборник», вып. 3, кн. 2, 1893.

<sup>18</sup> См. А. П. Берже, Указ. раб., стр. 89.

<sup>19</sup> А. В. Фадеев, Указ. раб., стр. 225.

<sup>20</sup> «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 227.

жия, опасность представлялась только со стороны чеченских собак; некоторые из офицеров засиживались у своих кунаков до поздней ночи, случалось, что и ночевали»<sup>21</sup>. Одновременно с этим развивались торговые отношения между жителями указанных сел и гарнизоном крепости, состоявшим из 6 тыс. чел. Сюда чеченцы сбывали скот, птицу, мед, масло, молоко, яйца, ягоды, овчины для шапок и тулупов, бурки, сафьян, сукно и даже оружие, покупая взамен этого фабричные ткани, домашнюю утварь и т. д.<sup>22</sup>

Во второй половине XIX в. в связи с широким проникновением на Кавказ капиталистических отношений и появлением у казаков новых видов сельскохозяйственных орудий, получаемых ими на льготных условиях, хозяйственные и культурные связи между русским населением и горцами значительно расширились. Чеченцы, жившие на равнине, стали применять фабричного производства плуги, бороны, серпы и пр., а также шести-восьмигранные каменные катки для молотбы, заимствованные у русских казаков. В свою очередь горцы передали русскому населению, в частности гребенским казакам, многие черты своего хозяйственно-бытового уклада.

По словам Белинского, гребенцы стали «новыми и удалыми сынами Кавказа, без которых не полна и не определена его физиономия»<sup>23</sup>. На это обратил внимание и Л. Н. Толстой, который в середине XIX в. несколько раз приезжал на Кавказ к своему брату Николаю Николаевичу, служившему в станице Старогладковской, а затем в укрепленном лагере возле чеченского селения Староюрт. Живя здесь, Л. Н. Толстой часто бывал в станицах гребенских казаков и в чеченских селениях, проявляя глубокий интерес к быту, фольклору и культурным взаимовлияниям этих народов. Им были записаны здесь старинная народная чеченская песня «Высохнет земля на могиле моей» и кумыкские свадебные песни «Балты» и «Садо». Заинтересовавшись жизнью гребенских казаков и их соседней горцев, Толстой стал приобретать почти всю издававшуюся в то время на Кавказе этнографическую литературу. В его архиве в Ясной Поляне имеются почти все выпуски «Сборника сведений о кавказских горцах», «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказского календаря» и другие издания, собранные писателем в процессе его работы над произведениями о Кавказе. Говоря о влиянии горцев, в частности чеченцев, на гребенских казаков, Толстой писал: «Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев». «Щегольство в одежде,— отмечает он — состоит в подражании черкесу (черкесами называли тогда всех горцев.— Б. К.). Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже с своим братом говорит по-татарски»<sup>24</sup>.

Влияние соседних горцев на быт гребенских казаков нашло яркое отражение и в песенном творчестве этих поселенцев:

Стены в ней обоюю я персидским ковром,  
Галуном твой бешмет по краям разошью и тебе  
Пистолет свой заветный отдам.  
Дам и шашку тебе с дагестанским клеймом,  
И лихого коня с кабардинским седлом<sup>25</sup>.

<sup>21</sup> С. Иванов, О сближении русских с горцами на Кавказе, «Военный сборник», т. VII, СПб., 1859, стр. 544.

<sup>22</sup> Там же.

<sup>23</sup> В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 4, М., 1954, стр. 174.

<sup>24</sup> Л. Н. Толстой, Казаки, М., 1954, стр. 16—17.

<sup>25</sup> П. А. Востриков, Песни, поющиеся в станице Наурской, Терской области, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 38, 1908, стр. 34.

Живя в течение веков среди горцев, гребенские казаки имели с ними самые тесные сношения. По словам местных жителей, гребенцы вплоть до второй половины XIX в. широко пользовались тяжелым деревянным плугом грузинского типа, заимствованным ими у обитателей низовьев Терека и Сунжи, большей частью у кумыков и кабардинцев. Казаки восприняли у горцев также молотильные доски, бытующие до сих пор еще в Нагорном Дагестане, Чечне и других районах Кавказа, двухколесную тележку, называвшуюся ими «чеченской арбой»; последняя вплоть до второй половины XIX в. была здесь единственным транспортным средством. Горцы передали соседям — русским казакам — также овец, лошадей определенной породы, формы жилья и его внутреннего устройства, многие элементы своего костюма, нравы, обычаи.

Известный исследователь терского казачьего быта Г. Ткачев отмечал, что гребенские казаки разводили в значительном количестве коней лучшей, так называемой шаулоховской кабардинской породы. По мнению этого автора, гребенцы были не только «конники, но и коноводчики». «Действительно, — пишет он, — занимаемое гребенцами закрытое плато, обильное водопоем и пастбищами, должно было способствовать развитию этого промысла»<sup>26</sup>.

Особенно большое сходство между гребенскими казаками и горцами отмечается в области материальной культуры. Казаки восприняли почти целиком тип горского жилья и его внутреннее убранство, сохраняя в то же время в нем русские печь, лавки и стол. Наиболее распространенным здесь типом жилья в то время был турлучный дом с двускатной земляной кровлей. Позже, с образованием терского казачьего войска, в гребенских станицах широкое распространение получили срубные дома, занесенные казаками из центральных районов России. Дома эти строились по образцу великорусских изб, которые также имели невысокую двускатную крышу. Они состояли большей частью из двух помещений: первое, входное, — сени, второе, по объему гораздо большее, — изба. Перед каждым домом имелось крылечко со ступенями. Дома богатых казаков обычно состояли из трех-четырёх комнат, среди которых особенно выделялась своим убранством горница (гостиная). Стены домов снаружи обмазывали глиной, а внутри белили, иногда оклеивали обоями. В убранстве жилья здесь сочетались горские и русские черты. Начнем с описания избы — основного жилого помещения дома. При входе в избу с правой стороны находилась большая русская печь: по стенам избы располагались узкие деревянные лавки и скамейки; здесь же находилась почти вся домашняя утварь (деревянная, медная, глиняная), заимствованная почти целиком у горцев. Сени по своему убранству во многом отличались от избы: здесь вдоль стен обычно ставили большие сундуки, обитые жестяными узкими листами, или лавки, которые застилали персидскими коврами или войлоками с чеченским или кумыкским орнаментом. В переднем углу сеней направо от входа вешали иконы. Здесь же на стене висело зеркало, обвитое белым полотенцем со спущенными вниз узорчатыми, расшитыми шелком концами. Освещались сени одним окном; зимой обычно они отапливались.

Двор гребенских казаков был очень большой, наподобие чеченского. По его сторонам располагались сараи, где хранились арбы, сани, сельскохозяйственные орудия, предметы домашнего обихода; здесь же находились помещения для скота, а также небольшой домик-мазанка, называвшийся «горская сакля» и имевшийся почти в каждом казачьем дворе; там была установлена русская печь, зимой семья проводила здесь

<sup>26</sup> Г. А. Ткачев. Станица Червленная. Исторический очерк, Владикавказ, 1912. стр. 41

свободное время, готовила и принимала пищу. Летом сакля становилась необитаемой; семья переходила в соседнее летнее помещение — небольшой плетеный домик, густо обмазанный глиной; домик этот, где находился горский очаг с земляными гарнушками, служил летней кухней и кладовой.

Гребенские казаки восприняли у горцев, в частности у чеченцев, также ряд национальных блюд, среди них — лепешки с начинкой из сыра, картофеля, свеклы и т. д., а также любимое кушанье чеченцев и ингушей «датыкадор» — смесь творога с топленным маслом. Наибольшее же распространение получил здесь хенкал (род галушек) — любимое кушанье народов Дагестана. Из мяса гребенцы, как и горцы, предпочитали баранину. Хлеб казаки употребляли пресный, называемый «паста»; по мнению некоторых авторов, он был заимствован у чеченцев<sup>27</sup>. Большое место в пище казаков занимала сухая, свежая и соленая рыба, а также молочные продукты и плоды. Из напитков широкое распространение имели приготавливавшееся гребенцами виноградное вино, именуемое у них, как и у соседних горцев, чихиром, и так называемый калмыцкий чай (кирпичный), бытующий у многих народов степной полосы Северного Кавказа.

Наконец, гребенские, а позже терские и кубанские казаки почти целиком заимствовали горский мужской костюм (кавказскую бурку, папаху, башлык, черкеску, бешмет, обувь) и его украшения (газыри, пояс, кинжал).

В будни гребенские казаки носили черкеску из чеченского домотканного сукна, ситцевую рубашку, бешмет, шаровары, папаху и обувь городского покроя. В праздники они надевали черкеску из черного фабричного или хорошего горского сукна, сапоги, папаху; украшением черкески служили газыри с металлических или серебряными наконечниками; на узком кавказском поясе с металлическими бляхами висел кинжал дегестанского или чеченского производства, иногда пистолет кубачинского изделия. В непогоду надевали бурку и башлык, большей частью чеченского производства.

Одежда гребенских казачек, по сообщению И. Попко, состояла из узкой длинной рубахи с широкими рукавами, «поверх которой был надет длинный бешмет, тесно стягивавший фигуру»<sup>28</sup>. Богатые шили бешмет из дорогой шелковой ткани, украшая его серебряными галунами и серебряными с чернью петлями производства кубачинских мастеров. Верхней одеждой казачки служили фуфайка, отличавшаяся от бешмета короткими рукавами, и меховая шуба; верх шубы шили из атласной или шерстяной материи, на груди нашивали серебряные петли. Обувью служили сафьяновые чупяки горского покроя. Зимой носили вязанные шерстяные носки. Волосы женщины заплетали в две косы, которые на темени свертывали в круг. Покрывали голову небольшим шелковым или ситцевым платком, концы которого завязывали на затылке. Сверху накидывали большой тканевый или вязанный платок с загибом посередине. Девушки заплетали волосы в одну косу, спуская ее до талии, голову большей частью повязывали красным шелковым платком. Украшения казачек не отличались от украшений женщин соседних горских народов. Девушки-казачки носили серебряный пояс кавказского образца, на шее — крупный или мелкий янтарь, бусы с припаянными к ним серебряными монетами, в ушах — большие серебряные с чернью серьги, на руках браслеты и кольца.

<sup>27</sup> См. А. Ржевский, Терцы, «Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о терском казачьем войске», Владикавказ, 1888, стр. 258.

<sup>28</sup> И. Попко, Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк, СПб., 1886, стр. 114

Немало сходных черт у гребенских казаков с горцами имелось и в их семейном и общественном быту. Так, отец в присутствии посторонних стеснялся брать на руки своих детей или ласкать их. Женщина никогда не переходила дорогу мужчине; при появлении мужчины она вставала в знак уважения. Считалось неприличным появление молодой женщины с непокрытой головой на улице.

Гребенские казаки восприняли у горцев музыкальные инструменты и мелодии<sup>29</sup>. Большой популярностью до сих пор пользуется здесь круговой темпераментный танец «наурская лезгинка», получивший свое название от гребенской станицы Наурской и распространившийся оттуда по всему Терскому и Кубанскому казачьему войску. Наурская лезгинка особенно хорошо исполнялась в станицах Наурской и Червленной, с которыми чеченцы имели более тесные связи. Один из дореволюционных авторов писал: «Наурская — любимый, можно сказать «национальный» танец терских казаков»<sup>30</sup>.

Наконец, между казаками и горцами, в частности — чеченцами, существовали широкие родственные связи, о чем свидетельствует их физический тип. «Гребенская женщина, — писал И. Попко, — во множестве случаев была местного горского происхождения. Она сообщала гребенцу, увесистому русскому человеку, легкие стати и живые черты южного аборигена, а также заимствовала от него рост и мускульную силу»<sup>31</sup>. Не в меньшей мере горские черты нашли отражение в физическом типе казаков-мужчин, особенно старшего поколения. Высокий рост, смуглый выдающийся нос, черные волосы, почти повсюду встречавшиеся нам в станицах гребенских казаков, — черты, характерные как для казаков, так и для чеченцев. Близость гребенских казаков и чеченцев ярко проявляется не только во внешних чертах, но даже в разговорной речи, в которой выделяется особый горский акцент<sup>32</sup>.

Смешение казаков с горцами особенно сказывается в станице Червленной, с жителями которой больше всего роднились чеченцы. Кроме того, здесь, как и в других станицах, в период образования Терского казачьего войска поселилось немало горцев, в том числе чеченцев, впоследствии растворившихся среди казаков. Судя по собранным нами преданиям, появление чеченцев в станице Червленной относится ко времени задолго до начала Кавказской войны. Здесь поселились не только отдельные чеченцы, но даже целые группы родственников, бежавшие сюда большей частью по причине кровной мести; принимая другую фамилию, они с течением времени теряли свои национальные черты и становились русскими. Так, к их числу относятся гунийцы, живущие примерно в восьми дворах в станице Червленной под фамилией Гулаевы. Гунийцы — выходцы из Веденского района, где в нескольких небольших хуторах, расположенных на холмистых горах, покрытых густым лесом, живет в основном одна из многочисленных чеченских тайп — Гуной. Центром расселения этой группы считается селение Гуни. Гунийцы живут и в других местах Чечни, в частности в селениях Курчалой и

<sup>29</sup> Здесь широко бытовали зурна, свирель, горская двухструнная балалайка, барабан (см. П. А. Востриков, Указ. раб.).

<sup>30</sup> Н. Бигаев, Наурская казачья лезгинка, «Терские ведомости», 1912, № 256.

<sup>31</sup> И. Попко, Указ. раб., стр. 114.

<sup>32</sup> В исследованиях М. А. Караулова «Говор гребенских казаков» (СПб., 1902) дается подробная характеристика изменений в языке гребенских казаков, происшедших под влиянием горцев. А. Ржевуский писал, что здесь «на свадьбе можно услышать русские фразы с примесью кумыкских слов» (А. Ржевуский, Указ. раб., стр. 214). Герон повести «Казаки» Л. Н. Толстого — Лукашка, Ерошка и др. — свободно разговаривают «по-татарски» (т. е. по-ногайски и кумыкски), поют «тавлинские» песни. (т. е. песни горцев Дагестана, в частности аварские). «Подъехал Лукашка, остановил лошадь, бойко произнес обычное приветствие, и ногайки, видимо, обрадовались и заговорили с ним свободно, как с своим братом» (Л. Н. Толстой, Указ. соч., стр. 144).

Автуры. С давних пор гунийцы-казаки и гунийцы-чеченцы считают себя родственниками, оказывая друг другу помощь во всех случаях жизни. На это было обращено внимание еще в литературе 70-х годов XIX в. И. М. Попов, собравший много преданий о чеченских гунийцах, сообщал, что «гуноевская фамилия и в настоящее время считает себя родственниками гребенских казаков (Червленая станица), и, наоборот, казаки эти не лишены родственных чувств к гуноевцам, что выражается перепискою между ними и предположением со стороны казаков материальных пособий в случаях крайности их собратьев»<sup>33</sup>. Значительно позже на это же обратил внимание и Н. Семенов, не раз побывавший в с. Гуни. «Сами гунийцы,— пишет он,— вовсе не думают отрицать существования тесного родства между ними и казаками станицы Червленой. Родство это бесспорно признают и уважают также и червленцы, чему имеется много доказательств». «Недавно гунийцы,— продолжает он,— рассказывали мне, что если кому-нибудь из них случится попасть в названную станицу, то его принимают с чисто родственною приязнью... Гуниец знает, что в Червленой для него всегда готовы и кров, и пища. В свою очередь червленцы не упускают случая побывать у своих родственников-гунийцев и пользуются от них таким же радушным приемом»<sup>34</sup>. Во время нашей этнографической экспедиции 80-летний казак-гуниец С. И. Гулаев рассказывал нам, что, когда чеченцы приезжали в станицу Червленую, они, разыскивая своих родственников, обычно спрашивали: «Эй, где живет наш народ гуной?». При встрече родственников, особенно на базаре в Грозном, они делали друг другу подарки. Казаки-гунийцы часто приезжали в чеченские селения к своим родственникам, помогая им убирать кукурузные поля, перевозить хлеб и т. д. Происхождение гунийцев, нашедшее разное толкование в преданиях, остается, к сожалению, пока не выясненным. В одном из преданий, записанных И. М. Поповым, рассказывается: «Считая родоначальником своим Гундала, поселившегося в Ичкерии, мы впоследствии размножились, и, терпя недостаток в земле, некоторые из нашего аула перешли в Чечню и основали аул Алды (Бугун-юрт). Живя в этом ауле, два молодых человека нашей фамилии поссорились между собою, вследствие чего жертвою пал один; убийца, избегая мщения родственников убитого за кровь, бежал в Червленую станицу, где и поселился между казаками. Это было назад тому лет 100. Бежавший из чувства самосохранения, не имея желания возвращаться на родину, принял христианство и женился на русской женщине, имел от нее семь сыновей, которые, считая местом родины названную станицу, основали в ней свою оседлость навсегда, всосав с молоком матери привычки, образ жизни и убеждения гребенцев. Гунойцы добавляют, что цифра потомков от однофамильцев их, бежавших из Алды, в настоящее время можно полагать в половину числа казаков, живущих в Червленой»<sup>35</sup>. В некоторых преданиях, записанных нами в станице Червленой и в с. Гуни, мы находим почти аналогичные сообщения о гунийцах. По словам упомянутого 80-летнего казака Гулаева, его далекими предками в станице Червленой были три брата из тайпы Гуной, которые, став кровниками на родине, бежали в станицу и жили здесь под фамилией Гулаевы. Позже к ним переселилось еще несколько родственников из с. Салтурой. В другом предании, записанном нами в с. Гуни, рассказывается, что во время принятия чеченцами ислама часть гунийцев, поддерживавшая дружественные связи с червленскими казаками, в знак протеста против распростране-

<sup>33</sup> И. М. Попов, Ичкерия (Историко-топографический очерк), «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. IV, 1870, стр. 12.

<sup>34</sup> Н. Семенов, Письмо к редактору, «Терские ведомости», 1887, № 34.

<sup>35</sup> И. М. Попов, Указ. раб., стр. 12—13.

ния этой религии переселилась в станицу Червленую и навсегда осталась там. Противоположного взгляда о появлении гунийцев придерживается Н. Семенов, считающий чеченских гунийцев выходцами из станицы Червленной. «По наружному облику мужчины гунийцы,— пишет он,— решительно не отличаются от других чеченцев ичкеринского общества, не говоря уже о женщинах гунийской фамилии, также похожих на женщин-чеченек других фамилий, но между ними, говорят, чаще, чем между последними, попадаются красивые и стройные, напоминающие собою казаков того приреченского района, в котором сохранились остатки древних гребенских казаков»<sup>36</sup>.

Кроме гунийцев, в станицах гребенских казаков имелось много чеченцев, принявших в свое время русские фамилии. Несмотря на то, что все они являются далекими потомками беглых чеченцев, потерявшими свои национальные черты и ставшими русскими, их по-прежнему называют здесь чеченцами. Так, в станице Червленной к числу таких фамилий относятся Егоркины, Бусунгуровы, Титкины, в станице Гребенской — Закаевы, Костиковы и др.

Однако наряду с переходом чеченцев к русским и поселением их в казачьих станицах бывали и такие случаи, когда русские солдаты и казаки, отказываясь от участия в захватнической войне царизма против горцев, переходили группами и в одиночку в чеченские селения, находя здесь приют и гостеприимство. Живя годами среди горцев, они занимались ремеслами, помогали чеченцам в работе по хозяйству и т. д. В 1866 г. в газете «Кавказ» сообщалось, что русские солдаты, перешедшие в период войны на сторону чеченцев, поселились на берегу озера Кезень-ам. Здесь они построили лодку и ловили рыбу сетями, обучаясь этому делу у горцев. В 1863 г. солдаты были переселены в Кубанскую область<sup>37</sup>. Многие другие русские солдаты, находясь у горцев, обзаводились семьями и оставались навсегда среди чеченцев.

По свидетельству наших информаторов, из числа таких солдат после окончания Кавказской войны недалеко от Шатоя (ныне центр Советского района) образовались значительные поселения под названием Большая и Малая Варанда, обитатели которых до сих пор считаются русскими, хотя они давно очеченились и почти ничем не отличаются от коренных жителей.

Одним из факторов укрепления дружбы между казаками и чеченцами истари было куначество, сохранившееся даже в суровые годы Кавказской войны. Конечно, царское правительство, переведя еще в 1712 г. гребенских казаков с правого берега Терека на левый, создавало искусственные преграды между русским населением и горами, разжигая между ними вражду и ненависть. Тем не менее традиционные связи, несмотря на препятствия, по-прежнему поддерживались и даже развивались. Одним из крупных препятствий был многоводный Терек, через который в то время не было ни одного моста; зимой сообщение поддерживалось по льду. Современник отмечал, что «после сильных морозов Кубань и Терек замерзают столь крепко, что делается сообщение по льду безопасным по всем направлениям»<sup>38</sup>. Летом горцы переправлялись через Терек на бурдюках из бараньих и козьих шкур, которые отличались от других кавказских бурдюков тем, что были сшиты шерстью внутрь, а снаружи смазывались жиром или другим веществом, не пропускающим воды; такой бурдюк имел два отверстия: одно для надувания, другое для вкладывания одежды, пищи, оружия и т. д. Пешие чеченцы переправлялись через Терек, привязывая бурдюк к спине, конные брали с собой по два бурдюка; наполнив их своими

<sup>36</sup> Н. Семенов, Указ. раб.

<sup>37</sup> Газ. «Кавказ», 1866, № 20.

<sup>38</sup> Газ. «Кавказ», 1875, № 26.

вешами, они привязывали бурдюки под передние лопатки лошадей и, таким образом, сидя на конях, переправлялись через полноводный Терек<sup>39</sup>.

Многие авторы, описывая быт казачьих станиц, часто указывают на тесные дружеские связи между терскими казаками и чеченцами через куначество. Наиболее характерен в этом отношении рассказ известного казачьего писателя А. Кулебякина «Кунаки», в котором автор описывает события, происходившие до начала Кавказской войны. Автор показывает, как казаки и чеченцы гордились своей дружбой, передавая ее детям как священный завет от поколения к поколению<sup>40</sup>. Наряду с этим у чеченцев было принято отдавать своих детей в казачьи станицы для обучения их русскому языку. И наоборот, многие казаки стремились обучить своих детей чеченскому языку, для чего отдавали их к своим кунакам в соседние чеченские селения, где они жили годами. Такие формы связи способствовали укреплению дружбы между этими народами.

Одним из многочисленных фактов культурных связей между русскими и чеченцами служит то, что из их среды в первой половине XIX в. вырос крупный художник — академик П. З. Захаров, занявший, как известно, достойное место среди художников России в области портретной живописи. П. З. Захаров создал ряд замечательных полотен, в том числе серию превосходных рисунков и портретов (Лермонтова, Грановского, Ермолова и др.)<sup>41</sup>.

После окончания Кавказской войны, когда горцы быстро пошли по пути экономического и культурного развития, дружеские связи между русскими и чеченцами и ингушами еще больше расширились.

Во второй половине XIX в. на территории Чечни возникли крупные нефтяные промыслы, вскоре захваченные иностранными капиталистами. По данным А. В. Фадеева, за десять лет (1893—1902) добыча нефти здесь увеличилась в 4,3 раза (с 8 до 35 млн. пудов), а к 1917 г. достигла 108 млн. пудов<sup>42</sup>. В результате все расширявшейся разработки грозненских нефтяных промыслов и появления новых промышленных предприятий в Грозном у народов Чечено-Ингушетии стал формироваться свой рабочий класс, сыгравший крупную роль в жизни горцев.

Таким образом, русско-чеченские связи, установившиеся еще во второй половине XVI в., сыграли исключительно важную роль в жизни народов Чечено-Ингушетии. Дружеские связи между русскими переселенцами на Терек и чеченцами никогда не прекращались, даже в ходе многолетней Кавказской войны и вопреки политике царских колонизаторов, разжигавших национальную вражду между народами Северного Кавказа. Живя веками в близком соседстве, русские и чеченцы охотно передавали друг другу свои достижения и навыки, накопленные в хозяйстве, материальной и духовной культуре. Оказываемые ими взаимовлияния в дальнейшем все более укреплялись, особенно после Октябрьской революции, принесшей чеченцам, как и всем народам бывшей царской России, освобождение от социального и национального гнета и открывшей им широкие возможности свободного экономического и культурного развития.

<sup>39</sup> Газ. «Кавказ», 1875, № 26.

<sup>40</sup> А. П. Кулебякин, Кунаки (Казачья быль), «Записки Терского о-ва любителей казачьей старины», Владикавказ, 1914, № 2, стр. 74.

<sup>41</sup> Н. Шабаньянц, Захаров Петр Захарович, «Изв. Чечено-ингушского н.-и. ин-та истории языка и литературы», т. II, вып. III, Грозный, 1959.

<sup>42</sup> А. В. Фадеев, О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России, «Изв. Чечено-ингушского н.-и. ин-та истории, языка и литературы», т. II, вып. I, Грозный, 1960, стр. 28.

## SUMMARY

Russo-Caucasian relations date from early times. The Mongol incursion which caused great damage to the peoples of the North Caucasus severed these relations for a long time to come. It was only in the second half of the 16th century that diplomatic and commercial contacts between the Russian state and the Caucasian peoples began to develop rapidly. An important part in this respect was played by the townlet of Terki, founded in the second half of the 16th century on the Terek near its confluence with its tributary, the Sunzha, and also by the Grebni Cossacks who came to settle in this locality, on the right bank of the Terek, somewhat later. The Chechen were among the first peoples of the Eastern Caucasus to establish friendly contacts with their neighbours, the Russian settlers. When the Russians appeared in those parts, the Chechen mostly dwelt in the mountains, although starting with the 15th century they began to descend to the plain, where they formed several tribal settlements. From the time of the settling of the Russians, friendship between the working Cossack population and the Chechen and Ingushes developed on the basis of common labour pursuits, of economic and cultural cooperation. Living side by side, the Cossacks and the Chechen shared the achievements of their material and spiritual cultures. Friendly ties between the Russian settlers on the Terek and Chechen were never broken (not even at the time of the Caucasian War that went on for many years), contrary to the policy of the tsarist administration which strove to fan national discord among the peoples of the North Caucasus. This friendship was further consolidated with the development in the North Caucasus of oil industry, which led to the rise of industrial workers from among the indigenous population.

---